

КАПИТАЛИЗМ И МОНАРХИЯ

В сознании большинства наших соотечественников бытует мнение, что монархия является формой правления отжившей. Она якобы более свойственна феодализму и преимущественно аграрной экономике. Монархия, как утверждают, является пережитком средневековья. И, наоборот, капитализму, экономике преимущественно индустриальной, нашей с вами современности свойственна республика. Она-де является формой правления в нынешних условиях оптимальной. Как это ни прискорбно, данное мнение принимается многими как аксиоматичное - истина, не требующая ни проверки, ни доказательств. Не будем касаться правомерности применения самих терминов "феодализм" и "капитализм", тем более правомерности их применения к России. Не будем акцентировать внимание на исторических примерах, опровергающих "общеизвестные факты". Но попробуем всё же подвергнуть сомнению идеологические заклинания республиканцев. Причем проанализировать существенные политико-экономические тенденции, а не отклонения от нормы, неизбежные в реальной жизни.

Главным республиканским лозунгом является утверждение, что в республике власть принадлежит народу, вернее, большинству электората. Обладать властью значит реально придавать своему волеизъявлению общеобязательный характер. Однако, для этого необходимо иметь возможность реализовывать свою волю постоянно, а не время от времени. В сколько-нибудь многочисленном обществе электорат этой возможности не может иметь в принципе. Постоянно, ежедневно и ежечасно власть осуществляется главой государства и государственным аппаратом. В условиях республики, поскольку глава государства часть этого аппарата, власть осуществляется только аппаратом. Этот аппарат является корпорацией государственных служащих, чиновниками или, если хотите, совокупным чиновником. В республике над этим чиновником, над бюрократией, включая партийных политиков, нет никакой иной реальной власти. В результате, в силу вседозволенности и бесконтрольности бюрократия приобретает неограниченную возможность действовать исключительно в своих кастовых интересах. При этом она может действовать не только во вред интересам других социальных групп. Она действует даже и во вред общим, в том числе и своим, плохо осознаваемым, объективным интересам. Если в условиях монархии бюрократия, в принципе, является слоем служилым, подчиненным, то в условиях республики она рано или поздно становится слоем господствующим, узурпировавшим верховную власть.

Конечно, если можно так выразиться, напряженность бюрократического всевластия в разное время и в разных странах неодинакова. Она находится в зависимости от разных факторов. Например, от наличия и объема внешнего и внутреннего "колониального" ресурса. Методы бюрократической власти зависят от многих конкретных обстоятельств. Но вектор этой власти везде и всегда один и тот же. В России республиканский опыт проявился, наверное, в самом чистом, освобожденном от либеральной словесной шелухи, виде. Как в 1917 г., так и впоследствии, республиканская форма правления в наикратчайшие сроки показывала своё истинное лицо – лицо тоталитарно-бюрократической диктатуры.

Естественно, что диктатура эта не могла не распространиться, в первую очередь, на область экономических отношений.

Основным экономическим отношением является, как известно, отношение собственности на средства производства. Нам говорят, что капитализму присущи отношения, прежде всего, *частной* собственности или, вернее, сбалансированное многообразие форм собственности, в том числе и признание объективной необходимости частной собственности. Но именно частная собственность на средства производства является основой экономической и политической свободы. Как раз эти свободы, с точки зрения бюрократического корпоративного интереса, и неприемлемы. Поэтому бюрократия всегда стремится создать такие условия, при которых собственность в области экономики как можно меньше соответствовала бы интересу номинального собственника, и как можно более удовлетворяла бы интересы самой бюрократии.

Правовая наука в праве собственности выделяет три правомочия, обеспеченных правом возможностей собственника: владение, пользование, распоряжение. Для юристов, с точки зрения гражданско-правового оборота, главным правомочием является возможность распоряжения объектом права собственности, возможность продать, обменять, подарить и т.д. Однако, в сфере экономической наиболее важным, придающим смысл самому праву собственности на средства производства, является правомочие пользования – возможность извлекать из объекта права собственности пользу. Иными словами, с экономической точки зрения, кто эту пользу извлекает, тот и есть собственник.

Всякая стоимость, как известно, создается трудом. Говоря точнее, применением живого труда (рабочей силы) к труду овеществленному (средствам производства). Присвоение этой стоимости, выраженной в цене товаров, работ и услуг, с возможностью обмена на результат труда других лиц, является целью участников производства. Это и цель собственника средств производства, чей прошлый труд воплощен в предметах и орудиях труда (капиталиста). Это и цель нанятого капиталистом работника, чья рабочая сила также участвует в создании стоимости. В принципе каждый из них имеет право на часть совместно созданной стоимости. Следовательно, каждый из них должен иметь право на ограждение этой части от притязаний со стороны третьего лица, Третье лицо это тот, кто в обмен на указанную стоимость не предлагает результат своего труда. Вот этим-то третьим лицом и является господствующая бюрократия. Поскольку она осуществляет общественно полезную управленческую деятельность, постольку она получает часть созданной другими стоимости через налоговую систему. Это одинаково верно и для монархии, и для республики. Но в республиканских условиях, бюрократия постоянно претендует на ещё большую часть названной стоимости. Бюрократия, не будучи сдерживаемой стоящей над нею властью монарха, реализует эту претензию максимально. И здесь в ход уже идут несвойственные капитализму способы внеэкономического принуждения. Одним из них, наверное, главным, является коррупция, так сказать административный шантаж.

Коррупция, конечно, существовала, существует и будет существовать при любом строе. Но при монархии она – преступление, посягательство на верховную власть. В республиканских условиях взятка – это само собой разумеющееся право бюрократии, её привилегия как результат захвата ею верховной власти, её цель и смысл. Взятка для господствующего бюрократа, это не только "право победителя", но и подтверждение действительного абсолютизма чиновного правления, поистине неограниченных его возможностей.

Судите сами. Годовой размер взяток сопоставим с годовым бюджетом страны, а вероятность ответственности взяточников-бюрократов составляет чуть более одной сотой процента. Верховная власть узурпирована бюрократией. Поэтому шантажируемые лишены реальной возможности апеллировать по этому поводу к кому-либо, обращаться к кому-либо за защитой своих экономических интересов.

Итак, часть созданной номинальным собственником стоимости безвозмездно присваивается бюрократией. Таким образом, собственник не является частным в точном смысле слова. Собственность, соответственно, становится в определенном смысле частно-бюрократической, своего рода смешанной, частно-государственной.

Иначе говоря, республика, как форма бюрократической диктатуры, отрицает частную собственность на средства производства в принципе, т.е. капитализм как таковой.

Но это ещё не всё. Интерес частного предпринимателя, как мы видели, антагонистичен корпоративному бюрократическому интересу. В силу этого капиталист является для бюрократии субъектом нежелательным. Поэтому бюрократия стремится сама встать на место капиталиста. По крайней мере, она старается заменить его своим агентом, именуемым почему-то у нас "олигархом". Как следствие, республиканская форма правления, не только сводит "на нет" частную собственность. Она отрицает в тенденции и присущую капитализму социальную структуру.

Это относится не только к собственникам средств производства. Это в полной мере относится и ко второму, участвующему в создании стоимости, социальному слою – наемным работникам. Бюрократия вкупе со своей неотрывной частью – бюрократическими агентами в сфере экономики – присваивает и результат их труда. С учетом того, что реальный собственник средств производства заменен бюрократическим агентом, лишь номинально играющим роль частного собственника, присваивается в основном стоимость, причитающаяся именно этому слою – наемным работникам. Поэтому республика, как форма верховной власти бюрократии, в принципе противоречит интересам этого слоя. Она всячески противится созданию действительного рынка труда и капитала.

Наемный работник заинтересован в сохранении собственного рабочего места. В этом его экономический интерес. Поэтому он не должен претендовать на всю созданную стоимость, т.е. и на ту её часть, которая приходится на результат вложения в производство капитала. Капиталист также не должен претендовать на всю стоимость. Иначе при свободном рынке труда и капитала он лишится необходимой для производства рабочей силы. Как следствие он не выдержит конкуренции, т.е. нарушит свой экономический интерес. Баланс интересов этих социальных групп обеспечивается рыночными средствами, спросом и предложением труда и капитала. При этом,

адекватный вкладу капиталиста уровень дохода наемного работника вытекает из его права на объединение. Этот уровень обеспечивает работнику возможность стать индивидуальным или коллективным субъектом экономики, применяющим собственный живой труд к собственным средствам производства. Иными словами наемный работник при надлежащем уровне доходов может перестать быть наемным и стать индивидуальным предпринимателем или членом кооператива, акционерного общества и т.п. Это позволяет поддерживать необходимый спрос на наемную рабочую силу.

В условиях экономического и политического суверенитета так оно и происходит. Но в республиканско-бюрократических условиях ничего этого нет. Наемный работник, как правило, лишен и возможности реального объединения, и возможности для ведения собственного дела, для того чтобы стать самому себе капиталистом. Капиталист же, действительный частный собственник отсутствует вовсе. Всеми средствами производства, по большому счету, обладает в действительности совокупный чиновник, включая и его агентов-"олигархов". Таким образом, он становится экономически и политически неограниченным эксплуататором, совокупным "рабовладельцем".

Монархия предполагает иное. Конечно, и она нуждается в государственном аппарате, в чиновничестве. Но, утверждая принадлежащую себе верховную власть, монарх стремится нейтрализовать претензии на неё со стороны бюрократии. И в этом стремлении он с необходимостью опирается на экономическую и политическую независимость от бюрократии своих подданных. Поэтому монарх всемерно старается оградить подданных от экономического шантажа коррупционеров. Разнонаправленность корпоративных интересов требует их гармонизации. Гармонизация эта означает приведение их к подчинению объективному интересу всей страны, а, следовательно, и каждой социальной группы, всех членов этих групп в совокупности. Именно монарх, в силу верховенства своей власти, её неподчиненности и несводимости ни к бюрократии, ни к капиталистам, ни к наемным работникам, обладает статусом высшего арбитра. Именно монарх имеет возможность гармонизировать различные корпоративные социальные интересы. Именно, монархия, принимая во внимание изложенное, и помимо всего прочего, является формой государственного правления лучшей по сравнению с республикой с точки зрения экономической. Именно она препятствует постоянным бюрократическим переделам собственности. Именно она гарантирует экономическую и политическую свободу, высокий уровень потребления и производства, стимулирующий и труд, и капитал. Именно она гарантирует инвестиционную привлекательность и стабильность, реальную юридическую и нравственную ответственность государственной службы, социальную и экономическую ответственность труда и капитала, восстановление правового порядка, становление гражданского общества, действительное уважение права собственности, права на стремление к счастью.

Всё это, в свою очередь, свидетельствует о том, что действительные сторонники экономической свободы, нормального, цивилизованного рынка, и капиталисты, и наёмные работники, принципиально и объективно являются союзниками монархии. Дело за тем, чтобы эту простую и здравую мысль донести до их, ещё, к сожалению, затуманенного либеральной демагогией сознания.

И.Л. СОЛОНЕВИЧ О МОНАРХИИ КАК ГАРАНТИИ ОТ БЮРОКРАТИИ

(по материалам книг "Народная монархия", "Россия в концлагере", "Диктатура слоя" и "Диктатура импотентов")

Несмотря на всю нелюбовь И.Л. Солоневича к академическому стилю изложения материала, свойственному, например, таким мыслителям, как Л.А. Тихомиров или И.А. Ильин, мы, несомненно, должны признать, что Иван Лукьянович является выдающимся представителем русской государственно-правовой науки. Здесь не имеет никакого значения, что в обоснование своих выводов он зачастую приводит примеры из собственных, личных наблюдений либо отдельные исторические примеры, и не в том, что его трудам в значительной степени присуща манера публицистическая или даже автобиографическая. Это для науки более или менее безразлично. Самое главное в том, что выводы и прогнозы, явившиеся результатом проведенного им анализа конкретных политических событий, даже и в наши дни, спустя полвека после его кончины, почти стопроцентно подтверждаются реальной практикой. И никакие степени и звания, никакая "строгая научность", под которой, как правило, скрывается пустое наукообразное словоблудие, тут не нужны. Чистый здравый смысл и трезвое видение проблем.

Всё это полностью относится к такому, наверное, актуальнейшему для наших дней вопросу, как опасность бюрократии.

В своей фундаментальной работе "Народная монархия" И.Л. Солоневич предупреждает: **"перед будущей Россией с очень большой степенью отчетливости, вырисовывается опасность бюрократии**. Реальность этой опасности заключается в том, что **сегодняшний правящий слой страны, есть по существу почти сплошная бюрократия"**. Это сказано в 1952 году, за сорок лет до так называемого "падения коммунизма" в России.

Нет, Иван Лукьянович не отрицает объективной необходимости аппарата государственного управления. Он не какой-нибудь там опьяненный жаждой недержания свободы анархист, он - абсолютно адекватный государственный. По словам И.Л. Солоневича, поскольку государство - не имеет ни рук, ни ног, функция рук и ног выполняется живыми людьми. Он пишет: "Я не хочу быть несправедливым даже и к бюрократической деятельности: в общей экономике природы нужна и она". Даже и она "имеет свои преимущества. Человек работает немного, спокойно, не торопясь и не увлекаясь... Однако, чем ее меньше, тем лучше для всех остальных людей, не входящих в состав бюрократического аппарата... Без администрации не может прожить никакое человеческое общество, но не следует превращать администрацию в бюрократию".

Вместе с тем, совершенно очевидно, что если государственный аппарат при нормальных социально-политических условиях может и должен действовать в пользу всего общества, то в иных обстоятельствах он может действовать и во вред. Более того, "всякий слой всякой нации — вне моментов общенациональной опасности — действует эгоистически... Всякая профессия склонна замыкаться в касту. И всякая каста склонна утверждать, что именно ее интересы являются высшими интересами человечества... Меньшинство — под прикрытием *всякой* декламации - стремится стать привилегированным меньшинством и *из средства* стать *целью*... Государственный аппарат перерастает в бюрократию". Причем это не результат чьей-то субъективной воли. **Республиканская форма правления совершенно автоматически приводит к диктатуре бюрократии**. Эксплуатация человека человеком прекращается. Начинается эксплуатация человека бюрократом.

Этому тоже есть вполне объективные причины. Основной внутренней болезнью России были всегда гипертрофия государственной власти, национальной дисциплины и всяких вещей в таком роде. Она понизила инстинкт борьбы за личную свободу во имя борьбы за государственно-национальную. Однако от этого не легче, чем от осознания наследственного характера болезни. Диагноз всё равно неутешителен. И диагноз даже и в прогнозе до гениальности точен: "Нынешний российский политический строй — это абсолютизм, который хочет быть просвещенным. Хозяйственный строй — это крепостничество, которое хочет быть культурным. Никто здесь, кажется, даже и не подозревает, что он имеет счастье жить при практически социалистическом строе, лишенным только одного: своей "идеологической надстройки". Ведь социализм, по большому счету это не фразеология, а "расширение профессиональных функций бюрократии на всю... жизнь страны".

На первый взгляд здесь вроде бы и нет никакой опасности. Почему собственно государственный служащий должен быть менее других заинтересован в силе и процветании государства? Однако повседневная жизнь убеждает нас в обратном. Бюрократия действует исключительно эгоистически. Её интересы "есть профессиональные интересы слоя, касты или банды, назовите, как хотите, паразитирующей на убийственном хозяйственном строе". "Можете вы представить себе, - спрашивает И.Л. Солоневич, - уездного держиморду, замешанного в "бессмысленных мечтаниях" и болеющего болями и скорбями страны?"

Для этого от держиморды требуется инициатива, и вот эта самая инициатива держиморде бюрократической системой категорически противопоказана. Противопоказана потому, что для такой инициативы нужны "хоть какие-то мозги" и "хоть какая-нибудь совесть". И поскольку собственные мозги и собственная совесть есть в условиях диктатуры прямая угроза власти, "ни тем, ни другим бюрократ не переобременен... Всякий чиновник обязан придерживаться закона. Или, еще точнее - буквы закона. Он сидит на своем месте не для проявления инициативы, а для "поддержания порядка". Тем не менее, а, скорее всего, именно поэтому бюрократ считает, что он соль земли и что кто - кто, а уж он-то, во всяком случае, имеет право на начальственные благодеяния и на свой жизненный пирог.

В результате вся хозяйственная жизнь оказывается подчинена полностью интересам слоя подонков, паразитирующих на хозяйственном строе. Этот слой не производит ничего.

Вся хозяйственная жизнь страны оказывается направленной вовсе не к удовлетворению потребностей трудящихся, а к насыщению правящего слоя. Жизнь постепенно приближается к идеалу тюрьмы, основанной на принципах самоснабжения — какими были тюрьмы древнего востока.

Все наши свободы, - пишет И.Л. Солоневич, - в конечном счете, сводятся к свободе конкуренции. И против свободы конкуренции будет восставать всякий член всякой группы, которая не рассчитывает выдержать свободную конкуренцию. Эта группа с необходимостью консолидируется в бюрократию. Если бы член такой группы рассчитывал эту конкуренцию выдержать, он и был бы предпринимателем, а не бюрократом.

Этот тип подбирается из неудачников. И.Л. Солоневич характеризует его, как **"тип человека с мозгами барана, челюстями волка и моральным чувством протоплазмы. Это тип человека, ищущего решения плюгавых своих проблем в распороте животе ближнего своего. Но так как никаких решений в этих животах не обнаруживается, то проблемы остаются нерешенными, а животы вспарываются дальше. Это тип человека, участвующего шестнадцатым в очереди в коллективном изнасиловании... И чем больше будет проявлено твердости души и непреклонности характера перед всяким человеческим горем, перед всяким человеческим страданием, перед всякой человеческой жизнью, тем шире и тучнее пути дальнейшего поприща.** Иван Лукьянович называет такого нравственного уродца не совсем парламентским словом "сволочь". И подчеркивает, что русский бюрократ есть "совсем сволочь,.. т.к. пошел" в бюрократы "на основах более или менее полной свободы воли".

Антагонизм чиновного интереса и частной инициативы в условиях бюрократической диктатуры ведет к расширению сферы государственного регулирования. При этом бюрократ, действуя практически бесконтрольно и безапелляционно, должен что-то запрещать — это его основная функция.

Частная инициатива — взятками или обходами, нарушением инструкций и даже законов — пытается обойти всякое государственное регулирование. Но чиновника кормило именно государственное регулирование. Это регулирование названо Иваном Лукьяновичем экономической инквизицией. Всякая попытка утвердить права частной инициативы будет попыткой отнять у инквизитора кусок хлеба, покушением на тот самый жизненный пирог. Поэтому направленность "государственного регулирования" однозначна - грабеж — и больше ничего. В современной терминологии грабеж этот называется контролем. Попытки уйти из под контроля, а основным способом здесь является взятка, требует ещё большего контроля, ещё большего числа бюрократов. И.Л. Солоневич пишет: всякий частный предприниматель норовит сократить число своих служащих - ибо он оплачивает их из своего кармана. Каждый бюрократ норовит увеличить число своих служащих, ибо оплачивает их не он и ибо чем шире его заведение, тем больше власть, почет, даже жалованье.

Рост числа чиновников автоматически означает рост всякого "регулирования". Рост всякого регулирования также автоматически означает рост всяких попыток его обойти, с ним справиться или, по крайней мере, к нему приноровиться. Для регулирования этих попыток обойти регулирование — нужен какой-то новый, регулирующий аппарат.

Происходит разбухание бюрократического аппарата. И.Л. Солоневич пишет: **бюрократический контроль над бюрократическим аппаратом повторяет всемирно известную историческую попытку барона Мюнхгаузена: вытащить самого себя из болота, — в данном случае — бюрократического.** Чем больше воровства, тем сильнее должен быть контрольный аппарат. Но чем крупнее контрольный аппарат, тем больше воровства... Нельзя поднять за косу самого себя. Нельзя бороться с бюрократией путем ее дальнейшего размножения. Нельзя рассчитывать на то, что подонки, пришедший править и жрать, даст другому подонку возможность вырвать из своего рта и власть, и жратву.

По данным первого полугодия 2006 года число государственных служащих выросло на 13,8 %. В пересчете на один президентский срок это более чем в два раза. Но это, несмотря на все заверения о необходимости "административной реформы" и "снижении численности чиновничества", нисколько бюрократов не волнует и не может волновать. Для проведения реформы нужны реформаторы, а в условиях бюрократической диктатуры единственными реформаторами могут быть только сами бюрократы. Возразят, но ведь и какую-то общепользную работу выполняет этот такой уж очень неприятный всем бюрократ? Вот ведь есть национальные проекты, есть какие-то трехлетние бюджеты, пятнадцатилетние программы, государственные планы и т.п. Не будем говорить о реальности "планов" и степени их выполнения, а также

насколько за счет таких планов сумеет погреть руки сама бюрократия. Скажем о другом, о главном.

Честно говоря, любому бюрократу на все эти планы принципиально наплевать. Было бы, конечно, лучше, если бы они и в самом деле выполнялись. Но они могут и не выполняться. "План должен существовать, то есть снабжать, - как замечает И.Л. Солоневич, - жалованием и властью. Из плана, кроме "прорывов" и дыр, не остается, собственно, ничего. Но остаются бюрократические армии, хлеб и масло которых зависят от дальнейшего "государственного регулирования".

"План" существует не для человечества — он существует для "плановиков". Он автоматически и неизбежно вызывает к жизни рождение нового общественного строя, слоя платных и "плановых" бюрократов, который будет бороться за свой "план" и, — что существеннее, за свою жизнь. План может существовать без чего угодно: без фабрик и без сырья, без транспорта и даже без хлеба, — но без... бюрократии он просто невыносим. Бюрократический план, высиженный в чиновных кабинетах, не может не быть принудительным планом — "планом-директивой. План-приказ нуждается в надсмотрщике.

"План" с совершеннейшей, истинно железной логической необходимостью, должен опираться на режим террора. Власть бюрократии просто невыносима без режима террора, и никаких идей ни за какими разновидностями этого террора и в помине нет: есть голая борьба за шкуру, борьба за самосохранение бюрократии.

Слой неудачников, который стал классом паразитов, не может держаться иначе, как террором. Начиная террор, он отрезывает себе все пути отступления. И, вырабатывая методы подавления всякой конкуренции, организуя бюрократическую полицейскую машину, он неизбежно оформляется в диктатуру, т.е. в произвол бюрократии. Там, где имеется произвол, он по необходимости охватывает всю страну. Если из власти произвола вы исключите хотя бы одного человека, он станет точкой концентрации всех оппозиционных произволу сил страны. Террор должен быть тотальным, охватывающим всё. Ибо, если в каком бы то ни было звене общенациональной жизни будет прорвана дисциплина "плана", - то "плановые мудрецы" погибнут. Таким образом, бюрократ руководит хозяйственной жизнью, цензурирует прессу и кино, выдает паспорта и визы — в общем определяет... право на хозяйственное существование и даже на существование просто.

"План" нуждается в строго централизованном, жестоко дисциплинированном бюрократе, который станет "приводным ремнем" к производителю жизненного пирога, к той массе, которая на местах пытается обеспечить себе силу и процветание и безо всяких бюрократических благодетелей. Следовательно, удар наносится по "местам". Всякая хозяйственная самостоятельность, самоуправление производителя сводится к нулю. Все должно быть строго централизовано. Логика, по словам И.Л. Солоневича, здесь такова: если самоуправление единомысленно с "планом" - оно излишне. Если оно противоречит "плану" - оно вредно. Во всяком случае, гораздо спокойнее заменить всякое самоуправление строго централизованным бюрократом, который целиком будет зависеть от "планового синедриона" и покорно выполнять волю его. Все органы самоуправления и даже самообслуживания оказываются заменены централизованной бюрократией.

Экономика от этой превышающей всякую платежеспособность "общепольной работы" бежит за границу и "в тень". Вот как об этом пишет Иван Лукьянович.

Производство, лишённое полновесного стимула личного потребления и накопления, личного интереса и личной инициативы, постепенно создает чрезвычайно странный хозяйственный быт, быт, очень путано и капризно разделенный на две части: легальную и нелегальную. Трудящийся легально трудится на заводе и легально получает паек, на который явственно жить нельзя. Но так как он все-таки хочет жить, то настоящая хозяйственная жизнь, искалеченная и нищая, влачит свое существование где-то в нелегальном подполье.

В силу всех этих обстоятельств нормальный производитель — или, точнее, тенденция к нормальному производству и нормальному потреблению — становится достоянием уголовно-хозяйственного дна. Вся страна становится преступной.

Это неизменно и неизбежно приводит к одному и тому же: часть хозяйственной деятельности, без которой человеку физически невозможно прожить - уходит в подполье, в преступление, в риск свободой и жизнью.

Реальное народное хозяйство ушло в подполье. В этом же подполье бюрократа пытается заменить уже чисто уголовный элемент. Так что все усилия борьбы бюрократии с преступностью

– сказка про белого бычка. Бюрократизм и преступность даже не близнецы, в две головы одного и того же змея.

Нынешняя... хозяйственная система может быть определена такой формулировкой: разбой сверху и воровство снизу. Разбоем кормится бюрократия, и воровством кормятся все остальные.

Чиновник, как известно, ничего не производит и ничего производить не может, не для этого он пошел "во власть". Но дело в том, что он ещё за свою службу самому себе умудряется легально и нелегально забраться в государственный и частные карманы, по меткому выражению Ивана Лукьяновича "на пропой души".

Но это только полбеда. Для сокрытия воровства или для получения возможности сорвать уничтожаются ценности, далеко превосходящие аппетиты самого чиновника. Простой пример из нашего времени: для того чтобы получить взятку "национализированные" большевиками особняки (исторические памятники) доводятся бездействием бюрократии до состояния, исключающего, по словам бюрократии, иной способ их сохранить, как продажа частному лицу, как правило, себе любимому.

Не производя ничего сам, бюрократ и другим ничего не дает производить. Просители, стоящие в хвосте — тоже не могут производить ничего: они стоят в хвосте. Потеря человеческого времени, нервов и здоровья от стояния в хвостах, пока, кажется, не учтена никакой статистикой. Фактически потери национального хозяйства никак не ограничиваются теми деньгами и товарами, которые разворованы бюрократией - самые страшные потери - это бюрократические тормоза, навьюченные на всякую человеческую деятельность в стране.

Но ущерб от бюрократической диктатуры не ограничивается народным хозяйством. Может быть, грабеж это даже и не самая главная статья такого ущерба.

Грабеж сопровождается тем, что И.Л. Солоневич назвал "туманным предчувствием конца грабежа". Именно от этого, - подчеркивает он - идет общая для бюрократических гнезд и для ячеек ненависть.

Обыватель всегда неблагонадежен. Опирается можно только на "актив". Актив - это и есть тот загадочный для внешнего наблюдателя слой, который поддерживает власть, единственный слой русского населения, который безраздельно и до последней капли крови предан существующему строю. Бюрократический актив, низовка правящего слоя была вызвана к жизни в трех целях: "соглядатайство, ущемление и ограбление". Следовательно, соглядатайство должно проникнуть в мельчайшие поры народного организма. Оно и проникает. Согдаятайство без последующего ущемления бессмысленно и бесцельно, поэтому вслед за системой шпионажа строится система "беспощадного подавления". Ежедневную малозаметную извне рутину грабежа, шпионажа и репрессии выполняют кадры актива.

Ничего в мире власть так не боится, как оружия в руке и мыслей в голове у масс. Оружие можно отобрать. Но каким, хотя бы самым пронзительным обыском можно обнаружить, например, склад опасных мыслей?

Бюрократия создает техническое орудие духовного террора, главным принципом которого становятся запрет сочувствия какому бы то ни было иному, кроме декретированного, общественному строю и поддерживаемое террором принуждение этому строю сочувствовать, его укреплять и его всячески восхвалять.

Истребляя, не обязательно физически, враждебные бюрократии силы, победившая бюрократия обескровливает и свои собственные. Как общее правило, истребляются лучшие представители тех, у кого ещё осталась воля к свободе, воля к сопротивлению, у кого остались талант, инициатива, совесть, нормальный человеческий здравый смысл. Остаются жить пресмыкающиеся. Истребляется все то, что возвышается над пресмыкающимся уровнем. Истребляются лучшие гены грядущих поколений.

Власть теряет и так не очень то ею востребованный ресурс здравомыслящих людей, способных хоть как то нейтрализовать последствия чиновного беспредела. Остается одна сволочь. Впрочем, ни на кого другого в условиях диктатуры бюрократия опираться и не может.

В своей знаменитой книге "Россия в концлагере" И.Л. Солоневич приводит такой пример.

В 1918 году в германском Киеве ему как-то пришлось этак "по душам" разговаривать с Мануильским, впоследствии генеральным секретарем коминтерна, а также представителем красной Москвы в весьма неопределенного цвета Киеве. Солоневич доказывал Мануильскому, что большевизм обречен, ибо сочувствие масс не на его стороне.

- Послушайте, дорогой мой, - усмехнулся тот весьма презрительно, да на какого же нам черта сочувствие масс? Нам нужен аппарат власти. И он у нас будет. А сочувствие масс? В конечном счете, наплевать нам на сочувствие масс.

И Иван Лукьянович спрашивает: "Из кого же можно сколотить аппарат власти при условии отсутствия сочувствия масс?". Ответ заключается в том, что аппарат можно сколотить из сволочи и сколоченный из сволочи, он оказался непреодолимым, ибо для сволочи нет ни сомнения, ни мысли, ни сожаления, ни сострадания: твердой души прохвосты.

Обратимся к нашим дням. 11 марта сего года в 14 регионах России прошли выборы в местные "органы народного представительства". Нет, никто иллюзий относительно того, что власть формируется в результате выборов, решительно не питает. Об умении бюрократии преодолевать даже и объективные законы известно всем. Так, уже при составлении списков партий в избирательных бюллетенях партия власти – "Единая Россия" – в результате какой-то чудесной жеребьевки заняла первое место в восьми регионах из четырнадцати. Таким образом, была "преодолена" математическая вероятность события, выражающаяся в тысячных долях процента. Как ещё задолго до этого один из главных претендентов в "благодетели человечества" сказал: "Важно не как голосуют, а как считают". Показательно другое, более важное для бюрократии. В Петербурге, не то в провинции, не то в столице, т.е. городе во всех сторон характерном для сегодняшней России, за "партию власти" проголосовало только около 40 % из около 30 % избирателей, т.е. около 12 % от общего числа последних. Процент же бюрократов чуть больше этого количества. Иными словами за бюрократию голосовали даже и не все бюрократы, власть не может рассчитывать на полную активную поддержку даже со стороны самой себя. Симптом для власти очень тревожный. И тем более актуальным является учение И.Л. Солоневича о бюрократической диктатуре.

Одним из главных выводов, содержащихся в этом учении, является вывод о неспособности бюрократии в условиях собственной диктатуры, т.е. в условиях республиканских, эволюционировать в сторону общественной пользы. Иначе говоря, при республике не может быть хорошей бюрократии.

Современная российская бюрократия, её, если можно так выразиться, идеология сложилась в период системной общероссийской катастрофы. В катастрофические же периоды личной и общественной жизни действуют не призывы к рассудку, действует вопль: то ли "ура", то ли "караул". Действует психология паники. Из всей сложности психических и всяких иных стимулов, свойственных человеческому существу, остаются почти исключительно хватательные инстинкты по принципу – "хватай, что можно". Удержание схваченного осуществляется посредством террора, административного, экономического, информационного, физического, политического и какого ещё угодно. Организуя перманентный террор, все эти люди и сами живут в атмосфере неизбывного страха. Как пишет И.Л. Солоневич: "С ножом в руке и с ужасом в сердце - так и живут эти победители сегодняшнего дня. Ибо, создавая рабство, приходится подчиниться рабству и самим". Любой "новый" человек, входя в десятилетиями сколоченный аппарат, либо принимает "правила игры", либо исторгается из среды бюрократии. Его личные качества не играют никакой роли. Чиновник, который отказывается брать взятки — нарушает некую неписаную конституцию, колеблет самые устои материального существования бюрократии в целом. Для эволюции нужны компетентность и добросовестность. Никакой бюрократический аппарат не может быть построен на доверии к компетентности и добросовестности его сочленов. Аппарат должен быть построен исключительно на контроле и преданности.

Таким образом, в атмосфере грабежа никакой умственности бюрократ приобрести не в состоянии. Для того, чтобы "раскулачить" никакой умственности по существу и не требуется. Требуются стальные челюсти и волчья хватка, каковые свойства и вытренировываются до предела. Учиться, чтобы эволюционировать, этот "актив" времени не имеет.

Так называемая "ротация кадров" тоже не обеспечивает никакой эволюции. Ротация эта есть нечто другое, чем замена "плохих" бюрократов "хорошими". Это, по большому счету просто смена поколений. В стихийном процессе грабежа более оборотистые энтузиасты успели уже округлить свои капиталы и оказались склонными к покою и пищеварению. Они достигли своего и они резонно полагают, что вместе с ними достигла своих целей и остальная бюрократия. Их объявляют оппортунистами и отправляют на виселицу (в отставку, на гильотину, в подвал). Ибо есть же энтузиасты менее оборотистые и менее удачливые, которые столь же резонно скажут: "А мы-то за что свою кровь проливали?" Сути дела это не меняет.

Так что шансов на эволюцию бюрократа при сохранении системы бюрократической диктатуры нет.

Тщетны также и надежды на то, что бюрократию обуздает некий "общенародный лидер". Этот "лидер" сам, пройдя соответствующую бюрократическую лестницу, принял все правила игры. Попытка изменить эти правила любому "лидеру" будет стоить его если не жизни, то "лидерства". Вся сила его власти в преданности бюрократии, а плетью, как говорится, обуха не перешибешь.

В "Народной монархии" И.Л. Солоневич предупреждает, что именно бюрократия будет слоем, который проявит максимальную политическую активность. Этот слой на всех голосованиях - и общеимперских и местных - будет голосовать за ту партию, которая гарантирует возможно большее количество «мест», «служб», «постов» и власти. Он будет голосовать против всякой партии, опирающейся на частную и местную инициативу. И эта бюрократия в интересах своей стабилизации выдвинет очередного диктатора. Если "лидер" не захочет быть лидером бюрократическим, т.е. диктатором, эта же бюрократия его и "задвинет".

На примере своих современников Иван Лукьянович иллюстрирует это явление так: "Я склонен утверждать, что Гитлер на Германию не с неба свалился, точно так же, как Сталин - на Россию: оба они есть продукты известного исторического процесса. А исторический процесс, путем очень нехитрой техники, подбирает тех людей, какие наилучше приспособлены именно для него. Техника не хитра: миллионы преторианцев победоносной революции всегда имеют выбор между Сталиным и Троцким, Гитлером и Ремом, между десятками остальных кандидатов в гениальнейшие, еще не дошедших до последнего забега. Идет жесточайший естественный отбор: непригодное вырезывается. Остаются люди, с наибольшей полнотой выражающие вожделиние победителей. Победители идут за тем, кто обещает все 100% - и уж, конечно, не через 500 лет. Вырезаются все те, кто ста процентов все-таки стесняется и кто не обещает земного рая к завтрашнему восходу солнца...

Представьте себе положение банды, захватившей власть, расстрелявшей десятки миллионов и ограбившей сотни, банды, которая может жить только единством воли, внимания, настороженности и террора. Одно, только одно мгновение растерянности или раскола, и многомиллионные массы "трудящихся" снесут все. И тогда - Троцкий и Сталин, троцкисты и сталинисты - все одинаково пойдут на виселицы, никаких иллюзий... по этому поводу нет и никогда и не было. Поэтому всякий, кто как бы то ни было "стоит в оппозиции", есть враг, есть предатель, есть объект самой нутряной ненависти. Поэтому же каждый, кто любой ценой удерживает единство, а, следовательно, диктатуру партии, а, еще раз, следовательно, и жизнь каждого участника этой диктатуры - каждого сочлена социалистической правящей бюрократии, - есть гений и спаситель".

Впрочем, и без всякого "задвигания" такой лидер и "спаситель" ничего сделать не сможет.

Картина нынешней российской действительности определяется не только директивами верхов, но и качеством повседневной практики тех миллионных "кадров" актива, которые для этих верхов и директив служат "приводными ремнями к массам".

Отобранное по признаку моральной и интеллектуальной тупости, прошедшее многолетнюю школу грабежа и угнетения, спаянное беспредельной преданностью власти и беспредельной ненавистью населения, среднее и низовое чиновничество образует собою чрезвычайно мощную прослойку нынешней России. Его качествами, врожденными и приобретенными, определяются безграничные возможности разрушительных мероприятий власти и ее роковое бессилие в мероприятиях созидательных. Там, где нужно, - пишет И.Л. Солоневич, - раскулачить, ограбить и зарезать, "актив" действует с опустошительной стремительностью. Там, где нужно что-то построить, "актив" в кратчайший срок создает совершенно безвылазную неразбериху.

Те декреты и прочее, которые исходят из Москвы по официальной линии, практически никакого значения не имеют.

Со стороны держиморд областных, районных и прочих "прорабатывающих оную директиву" применительно к местным условиям, одна и та же директива, родившись в Москве из одного источника, по дороге разрастается целой этакой многоголовой гидрой.

На всякое мановение со стороны верхушки власти "актив" отвечает взрывами энтузиазма и вихрями административного восторга. Каждый очередной лозунг создает своеобразную моду, в которой каждый "активист" выворачивается наизнанку, чтобы переплюнуть своего соседа и проползти вверх. Всё сразу охватывается пламенем энтузиазма, в этом пламени гибнут зародыши здравого смысла, буде такие и прозябали в голове законодателя.

Приказы, директивы, установки, задания, инструкции мелькают, как ассоциации в голове сумасшедшего. Они сыплются на "активиста" со всех сторон; по всем линиям — они создают атмосферу обалдения, окончательно преграждающего доступ каких бы то ни было мыслей и чувств в и без того нехитрую голову твердой души прохвоста. В результате блокируются даже и благие пожелания "верхов" и все реформы оборачиваются окончательным развалом.

Конечно, промежуточные держиморды об этих директивах друг с другом не сговариваются. Но когда очередная директива кончается полным крахом, возникает ожесточенный междуправительственный мордобой. Держиморды большие сваливают все грехи на держиморд мелких, а при больших масштабах разрушительных результатов своей "общественно полезной работы" — может быть и на "лидера".

Единственной возможностью ликвидировать бюрократическую диктатуру и поставить государственный аппарат на подобающее ему место служилого слоя является, по И.Л. Солоневичу, монархия. В отличие от авторов книжных либерально-демократических альтернатив, опирающихся на никогда не имевшие места в действительности умозрительные построения, И.Л. Солоневич основывается на реальных фактах русской истории. Демократизм формы правления не имеет почти никакого отношения к демократизму жизни: юридически самодержавная Россия имела, по-видимому, самый демократический в мире уклад жизни.

Под страшным давлением необходимости в России был органически выработан технически самый совершенный государственный строй. Народная психика прошла совершенно своеобразную школу и выработала совершенно своеобразный государственный строй: русская монархия, в частности, НЕ соответствовала содержанию соответствующего европейского термина.

Русский "царизм" имеет очень мало общего с европейской монархией: в Европе монархия была ставленницей феодальных верхов, в России — крестьянских низов. В Европе это была опора крупного землевладения, а в России — по формулировке В. Соловьева "диктатура совести". Русская наследственная монархия была заклятым врагом русской бюрократии. Сейчас она заменена диктатурой бессовестности.

Объективно политическим положением дореволюционной политической системы России было стремление монархии и массы к «демократическому самодержавию», техническая опора монархии на аристократический элемент и борьба монархии с этим элементом. Русская бюрократия пыталась остановить развитие российской монархии в сторону «демократического самодержавия», путем замены "системы учреждений" средостением между Царем и Народом.

Царская власть до таких попыток была только **одним из слагаемых** этой системы учреждений», и монархия не состояла "в произволе одного лица". За монархией стояла целая «система учреждений» и все это вместе взятое представляло собою *монолит*, который нельзя было расколоть никаким царевубийством. Исконно русское самодержавие не было ограничено царевубийством. И поэтому всякая попытка бюрократии "задвинуть" и монарха была бессмысленна. Система, где Царю принадлежала бы "сила власти", а народу "сила мнения" восстанавливалась. Например, в Смуту начала XVII века она была восстановлена снизу, даже, может быть, и вопреки сословным интересам бюрократии.

Поэтому И.Л. Солоневич особенно подчеркивает, что задача "восстановления монархии", что тоже самое — ликвидации бюрократической диктатуры, есть не только задача «восстановления монарха», но и задача восстановления целой "системы учреждений".

Это, — говорит И.Л. Солоневич в книге "Народная монархия", — *не может быть достигнуто никакими "писаными законами", никакой "конституцией". Монархия Российская может быть восстановлена только волей народа — и больше ничем.* Если эта воля будет монархической, то и ее органы будут тоже монархическими. Чисто *техническая задача* будет состоять в том, чтобы не возникло никакого "средостения" — сословного, чиновного, партийного или какого-либо иного.

Поэтому, прежде всего, необходимо установить основные принципы и *идейно* оформить тот будущий правящий слой страны, который был бы *одинаково* предан и Царю, и Народу, который — организованный в "систему учреждений" — реализовал бы эти принципы на практике и который стал бы действительно "опорой Престола".

Государственный аппарат в условиях, исключающих принцип бюрократического произвола, уже не будет притягательным для одной только сволочи. В него со спокойной душой пойдут и люди порядочные, нравственно здоровые, сочетающие профессиональную компетентность с моральной добросовестностью, люди веры и долга. Более того, они будут иметь возможность выдавливать из состава служилого слоя ещё на что-то надеющуюся сволочь.

В связи с этим основная проблема восстановления *устойчивой* монархии заключается в организации этого слоя. И так как во внутринациональной борьбе *никакой* слой нации *никогда* не действует из чисто альтруистических соображений, то этот слой должен быть поставлен в такие условия, при которых СВОБОДА его деятельности совпадала бы с реальными интересами страны.

Таковыми условиями являются: монарх, не обязанный своей властью бюрократии, а, следовательно, не связанный кастовой солидарностью чиновничества; контроль за деятельностью чиновничества снизу, обеспечиваемый возможностью апеллирования поданных к верховной власти; самоуправление составляющих нацию корпораций, т.е. развитым гражданским обществом; прямая связь верховной власти с нацией, гарантирующая силу верховной власти и нейтрализацию бюрократической "похоти власти" опорой монарха на "мнение земли".

Система монархических учреждений должна начинаться с территориального и профессионального самоуправления (земства, муниципалитеты, профсоюзы) и заканчиваться центральным представительством, составленным по тому же территориальному и профессиональному принципу, а не по принципу партий¹.

Гарантией, против диктатуры бюрократии может быть только монархия и только в ее опоре на народное самоуправление, причем монархия, как установление, стоящее над всеми классами и слоями нации, может, принимать меры против бюрократического перерождения самоуправления (например, профессионального) и ставить этому самоуправлению твердо очерченные рамки, а самоуправление — контролировать государственный аппарат страны и не давать ему возможности перерождения в диктатуру чиновничества.

Во все века человеческой истории и у всех народов человечества *всегда* шла борьба между религиями и сословиями, классами и профессиями, группами и интересами.

Признание неизбежности этой борьбы, обуславливает стремление иметь *Одного Человека*, который стоял бы НАД этой борьбой, а не был бы результатом борьбы, каким является всякий диктатор, или бессильной случайностью в этой борьбе, какой является любой президент.

Итак:

1) **необходима** законно наследственная, нравственно и юридически бесспорная единоличная монархическая власть, достаточно сильная и независимая для того, чтобы:

а) стоять над интересами и борьбой партий, слоев, профессий, областей и групп;

б) в решительные моменты истории страны иметь окончательно решающий голос и право самой определить наличие этого момента.

2) **необходимо** народное представительство, которое явилось бы не рупором «глупости и измены», каким стало наше недозрелое заимствование из Европы в лице Государственных Дум всех созывов, а народное представительство, которое отражало бы интересы страны, ее народов и ее людей, а не честолюбивые вождения или утопические конструкции. **Обе** формы Верховной Власти необходимы **одинаково**:

1. Для того, чтобы обеспечить страну от крепостных прав под любым их номером, для предупреждения каких бы то ни было попыток навязать стране какое бы то ни было социалистическое или бюрократическое "дворянство".

2. Для того, чтобы обеспечить стране **эквивалентную** ей вооруженную силу, следовательно, и внешнюю безопасность.

Обе формы Верховной Власти должны... в одинаковой степени черпать свою силу и свою устойчивость не в "средостении между Царем и Народом» и не в "оторванности интеллигенции от народа", а в "системе учреждений", организующих традиции, мнения и интересы народных масс во всех формах местного, профессионального и национального самоуправления. Необходимо возвращение к аксаковской формуле: "Народу — сила мнения. Царю — сила власти".

* * *

Все это нам *необходимо* вовсе не для защиты абстрактного принципа монархии или абстрактного принципа парламентаризма или абстрактного принципа демократии, свободы и прочего, и прочего.

Это необходимо для совершенно конкретной задачи: защиты свободы, труда, жизни, инициативы и творчества — каждого народа империи и каждого из людей каждого народа.

И. Л. СОЛОНЕВИЧ О МОНАРХИИ И НАРОДНОМ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВЕ

Одним из основных трудов Ивана Лукьяновича Солоневича является "Народная Монархия". Если большинство других его более или менее объемных сочинений можно отнести преимущественно к жанру публицистическому, то эта работа, несмотря на присущий автору полемический стиль изложения исторического и теоретического материала, вне всякого сомнения, представляет собой действительно фундаментальное научное исследование.

"Народная монархия" - почти у каждого, кто впервые открывает эту книгу, её название вызывает некоторое недоумение. В течение нескольких веков либерально-демократическая идеология, противопоставляя народ монархии, утверждала, что антагонизм между ними исключает возможность сочетания интересов народа и Монарха вплоть до взаимного полного отрицания. Вопрос такой идеологией ставился просто: или народ, или Монархия, третьего не дано. Как ни странно, но этой же формулы придерживаются и некоторые монархисты, неоправданно абсолютизирующие монархическую форму государственного устройства. Как писал И.Л. Солоневич в главе упомянутого сочинения, названной "Народное представительство": «Одни из нас стремятся к "сильной монархии", другие к "сильному народному представительству", исходя при этом из чисто европейского предположения, что если монархия "сильна", то за счет (ущемления - А.С.) народного представительства, и если народное представительство сильно, то только за счет монархии. Словом, в монархии и в народном представительстве заранее предполагаются враждебные друг другу силы. Или, по крайней мере, силы, конкурирующие в борьбе за власть».

Однако, как говорится, простота хуже воровства. Участие народа во власти в условиях монархической формы правления не только возможно, но и необходимо, и основным способом такого участия является народное представительство. "Отсутствие народного представительства, - как совершенно правильно замечает Иван Лукьянович, - означало бы создание между монархом и нацией ... «средостения»", узурпирующего, в конце концов, власть самого монарха и заменяющего истинное Самодержавие бюрократической диктатурой.

В то же время, "когда мы говорим о народном представительстве, - пишет там же И.Л. Солоневич, - то перед нами почти неизбежно возникает его внешний прообраз: европейский парламентаризм, с его десятками партий, с его правительственной чехардой...". Но, продолжает далее И.Л. Солоневич, "говоря о народном представительстве, мы должны отбросить его западно-европейские образцы, мы должны вернуться к нашему собственному". Так сказать, "не лучше ль на себя, кума, оборотиться".

Воспитанному на отвлеченно-схематических, абстрактно-схоластических воззрениях секуляризованного Запада на государство российскому интеллигенту весьма затруднительно, а, зачастую, просто невозможно осмыслить лежащие, кажется, на поверхности факты отечественной истории. А ведь они для всякого неотягощенного комплексом "чужебесия" человека должны быть очевидным подтверждением ущербности и, даже, вредности, европейского опыта государственного строительства. Действительно, почему в условиях безвластного вакуума смуты XVII века русский народ не "воспользовался моментом" и не утвердил столь любимого ему, с точки зрения нашей образованщины, народовластия, хотя бы и на манер Речи Посполитой или Новгородской вечевой республики? Почему русский народ восстановил во всей её полноте Верховную власть Русского Царя? Почему? Здесь, как говорится, российский интеллигент и поплыл. Отбрасывая всю наукообразность собственной теории, он объявил причиной такого "непостижимого" явления "загадочную русскую душу, с её смирением, терпением и рабской покорностью". Придумали также, что призвание шестнадцатилетнего Михаила

Федоровича на Царство было обусловлено его юным возрастом, и поэтому-де он был для московской верхушки "поваден". Только вот, не вяжется это с тем, что не боярская знать и не одна Москва, как это было при избрании Царем Василия Ивановича Шуйского, призвали первого Романова, а все сословия из всех концов Русской Земли. Да и при неопытности молодого Государя соправителем его, само собой разумеется, должен был стать его отец, Патриарх Филарет. А он, как известно, особой покорностью тогдашней "элите" не отличался.

Итак, растерялся наш доморощенный вольтерьянец совершенно. И невдомёк ему, что заурядный русский мужик, восстанавливая Российское Самодержавие, проявил гораздо больше здравого смысла и державного чутья, чем все энциклопедисты вместе взятые.

Обыкновенный русский человек прекрасно знал, что не существует никакой конкуренции между его коренными интересами и интересами Монарха, что "мнение Земли" Царю в его постоянном живом общении с народом известно и безразлично. И обеспечено это действительной исконной системой народного представительства, не представительства народа, как носителя Верховной власти, а представительства при Верховной власти.

На самом деле, перед кем народ представляет себя в лице "парламента"? Перед самим собой? - абсурд. Всякое представительство есть выражение интересов одного лица перед другим. Поэтому так называемый *орган общенародного представительства* представляет лишь сам себя, некое сообщество политиканов, осуществляющее функции постоянно тасуемого олигархами "отдела кадров" чиновничьей касты. Последняя же, поскольку не перед кем отвечать, озабочена собственными, узкими, своекорыстными интересами - как безнаказанно возможно дольше и как можно больше брать и ничего, по возможности, не отдавать. Бюрократия при отсутствии над ней реальной, конкретной, *постоянно действующей* Верховной власти, как мы все убеждаемся, открыто игнорирует народ и всякие, там, представительные органы.

Единственным способом ввести народ в государственное управление является народное представительство *при* Монархе, не претендующее на замену Монарха собою, представительство, не подрывающее Верховной власти Помазанника Божия и не присваивающее её себе, а, напротив, укрепляющее.

Каким же должно быть такое представительство? Нас приучили к тому, что настоящее представительство неразделимо с многопартийной системой. Однако, как отмечал ещё предшественник И.Л. Солоневича, выдающийся русский мыслитель Л.А. Тихомиров, представительство, основанное на объединении народа партиями, не объединяет народ с государством, а разделяет его посредством партийного "средостения". Организованная часть партий, партийный, как недавно было принято выражаться, актив всегда ничтожный по сравнению с народными массами, становится единственным действующим лицом в государстве. Таким образом, сфера социальная изолируется от сферы политической. Эта система глубоко антинародна. Поэтому "опираясь не на партии, а на само население и находясь в непосредственном общении с Верховной властью, представительство народа получило бы несравненно более значения и влияния, нежели вечно борющиеся со всеми властями претенденты на присвоение себе Верховной власти" (Л.А. Тихомиров). Не искусственно созданные партии, а сам народ, точнее, составляющие его естественно сложившиеся социальные группы, самой жизнью созданные общественные корпорации должны быть представителями соответствующих интересов.

Развивая эту мысль, Иван Лукьянович писал: «Разница между партийным и корпоративным народным представительством гораздо более глубока, чем это может показаться с первого взгляда... Партийное деление неустойчиво, случайно, основано не столько на интересах избирателей,.. сколько на случайной, почти рефлекторной реакции "массы", неорганизованной и даже дезорганизованной, на инфляцию и кризисы, на войны и демагогию, на разочарование во всем и неверие ни во что. Личный рядовой состав

партии - за немногими исключениями - подбирается из неудачников во всех остальных областях человеческой жизни... В среднем одаренный и образованный человек имеет *свою* профессию и делает *свою* карьеру - профессию и карьеру врача, адвоката, инженера и прочее. Этого он ни на какое "депутатское кресло" не променяет... В "партию" и в "парламент" идет только второсортный элемент... Средний парламентский депутат - это, собственно, "петрушка", который обязан вскакивать со своего места, когда соответствующий лидер дернет соответствующую веревочку, голосовать "за" или "против", продуцировать овации или скандал, хлопать в ладошки или топтать ногами: всё это заранее устанавливается за кулисами... Но если в российском народном представительстве *работает* Глава Православной Церкви или председатель союза: инженеров, агрономов, врачей, металлургов, железнодорожников, горняков, крестьян, казаков, купцов, - то все эти люди будут совершенно точно знать, что им нужно, в чем заключается реальные интересы того слоя или той группы людей, от имени и по уполномочению которых они выступают. Никто из них не будет претендовать на "всю власть", как по самому своему существу претендует всякая политическая партия. Всякая политическая партия стремится из меньшинства стать хотя бы относительным большинством, из относительного большинства - абсолютным, на базе абсолютного большинства превратиться в партийный абсолютизм... Но никакому "союзу инженеров" не может прийти в голову превратить в инженеров всю страну или союзу ветеринаров - захватить "всю власть". *Могут* быть тенденции ко всякого рода технократическим или капиталистическим загибам и перегибам, но на путях к таким тенденциям будут стоять монархи».

Итак, личность, с учетом многообразия её социальных характеристик, объединяющих человека в определенные неформальные или, что лучше, организационно оформленные объективно возникшие сообщества, при рассмотрении конкретных вопросов должна и может быть представлена Верховной власти той или иной своей социальной гранью. И представительство это реализуется через систему корпоративную, в которой при каждом отдельном касающемся того или иного естественного объединения граждан случае, перед Самодержавным Монархом, как единственным свободным от групповых интересов выразителем воли всей нации, непосредственно представляются, прежде всего, интересы наиболее заинтересованных в соответствующем вопросе слоев населения.

Здесь следует особо оговорить еще один аспект народного представительства при Монархе. Сегодня, когда за депутатские мандаты борются все кому не лень, вплоть до явно преступных элементов, следует совершенно четко себе уяснить, что для Верховной власти необходимо, главным образом, общение не просто с народом, и даже не с любыми, случайными представителями составляющих его социальных групп. Самое важное для Монархии в этом отношении представительство перед Государем самого духа народного, представительство нравственного идеала народа. Поэтому, как писал Л.А. Тихомиров, Монарху нужны и важны именно те люди, которые выражают то, что думала и хотела бы нация, если бы вся она была на высоте своей собственной идеи, если бы могла разобраться сама в себе, умела бы найти и сформулировать свою мысль. В них Верховная власть может видеть и слышать не вечно заблуждающиеся желания и случайные крики толпы, а то, что призвано вести народную массу за собою к созидательной работе на общее благо. И не важно, находятся такие люди в одном зале или нет, и как часто и долго они в этом зале присутствуют. Такая система, кстати, не требует постоянно действующего органа общей компетенции и исключает народное представительство из списка профессий, постоянных, отрывающих представителей от представляемых, занятий.

Нужно также отметить, что корпоративное представительство предполагает и, соответственно, поощряет высокий уровень профессиональной, территориальной и прочей общественной самоорганизации. Ярким примером такой самоорганизации явилось местное самоуправление допетровской России. Но, прежде всего, скажем несколько слов

об уровне существовавшей тогда личной свободы, уровне самоуправления личности, без которой невозможно даже и местное самоуправление. За сто двадцать лет до принятия английским парламентом закона о неприкосновенности личности (знаменитый Habeas corpus act), выдаваемого либеральной интеллигенцией за нечто до 1672 года нигде не существовавшее, по Судебнику 1550 года в "варварской Московии" администрация не имела права арестовать человека, не представив его представителям местного самоуправления - старосте и целовальнику, иначе последние могли по требованию родственников освободить арестованного и **взыскать** с представителя администрации соответствующую пеню "за бесчестье".

И.Л. Солоневич приводит следующие слова известного русского историка В. Ключевского: "по окончании кормления (т.е. после оставления должности лицом, назначенным центральной властью - А.С.) обыватели, потерпевшие от произвола управителей, могли обычным гражданским порядком жаловаться на действия кормленщика" и "обвиняемый правитель... являлся простым гражданским ответчиком, обязанным вознаградить своих бывших подвластных за причиненные им обиды... при этом кормленщик платил и судебные пени, и протори (судебные пошлины - А.С.)... Истцы могли даже вызвать своего бывшего управителя на поединок... Это было приличие, охраняемое скандалом... судебная драка бывшего губернатора или его заместителя с наемным бойцом, выставленным людьми, которыми он недавно правил от имени верховной власти... Съезд с должности кормленщика, не умевшего ладить с управляемыми, был сигналом к вчинению запутанных исков о переборах и других обидах. **Московские судьи не мирволили своей правительственной братии...**".

Понятно, что при таких возможностях контроля за подчиненными Монарху чиновниками и праве бить челом Государю на творимые ими неправды были вполне обеспечены и широкие возможности местного самоуправления. Приведем, вслед за И.Л. Солоневичем, лишь несколько примеров. Воевода ведал вообще всеми отраслями ведения самого Государя, но власть его не безусловна и он её практиковал совместно с представителями общественного самоуправления. Вторым лицом после воеводы был губной староста, ведавший делами уголовными. Его выбирали дворяне и боярские дети. По некоторым источникам губные старосты избирались всем населением, в том числе и крестьянами. Затем следует земский староста - власть, выбранная городским и уездным населением. При нем состояли выборные от уездных крестьян советники. Они составляли земскую избу. Дело земского старосты и советных его людей состояло в раскладке податей, в выборе окладчиков и целовальников (полицейских, целовавших крест при присяге). В дело распределения оклада (налогов) воевода не мог вмешиваться точно также, как и в выборы, не мог сменять выборных лиц и вообще не имел права "вступаться" в мирские дела. Кроме выборов, земская изба заведовала городским хозяйством, разверсткой земли и могла вообще обсуждать все нужды посадских и уездных людей, доводя, о чем считала нужным, воеводе же или в Москву... У крестьян уездных, кроме общей с городом земской избы, были и свои власти. Крестьяне выбирали своих общинных старост, "посыльщиков" (для сношения с воеводой и его приказными людьми), выбирали земского пристава "для государева дела и денежных сборов"... Всякие представители, назначаемые в города и волости, не могли судить дел без общественных представителей... Оба источника правительственных полномочий - общественный выбор и правительственный призыв по должности - тогда не противопоставались друг другу, как враждебные начала, а служили вспомогательными средствами друг для друга...".

Одним словом, сама русская история наглядно демонстрирует, что представительство народа перед местными правительственными властями было таким же неотъемлемым элементом представительства вообще, как и представительство при Монархе. Этот принцип местного представительства, также адресный, а не абстрактно-анонимный, является неотъемлемой частью здоровой монархической государственности и сегодня, и завтра, и всегда.

Конечно же, есть вопросы, представляющие общий, а не только групповой интерес, но и здесь наша собственная история не оставляет нас без примера. Ярким образцом общенародного представительства являются соборы, названные позднее земскими.

Русские соборы, в отличие от западно-европейских генеральных штатов, парламентов, сеймов и разных тагов, хотя и были всесловным представительством, не были орудием или результатом борьбы за власть. Созывались они, как правило, по инициативе самих Государей и для обсуждения конкретных, важнейших для государства вопросов. В принципе соборы, хотя некоторые из них длились достаточно долго, не были постоянными органами с регламентированной системой выборов депутатов и сколько-нибудь определенным кругом ведения. Каждый собор состоял из представителей сословий и местностей, избранных в соответствии с порядком, установленным специально для данного собора. И компетенция его определялась теми вопросами, которые ставились перед ним, как отдельным собором, Верховной властью. В этом, сторонники так называемой "представительной демократии" видят недостатки соборов и, поэтому не признают за ними сколько-нибудь существенного значения. Однако, это всё от непонимания роли столь уникального явления исконно русской государственности. Депутаты местностей и сословий, или, как мы сейчас говорим, социальных групп, собирались отнюдь не для того, чтобы ограничить или присвоить Верховную власть Монарха, а для того, чтобы помочь ей и себе. Депутатов избирали не для решения вопросов народной волей, а для всестороннего их обсуждения и для представления, по достижении согласия без разделения на большинство и меньшинство, *общего* мнения Государю. При таких обстоятельствах точка зрения единственного представителя какой-либо, даже совсем малой социальной группы не менее весома, чем взгляды всех остальных участников собора вместе взятых. Интересно, что соборы обсуждали вопросы до тех пор, пока каждый его участник не убеждался в правильности предлагаемого соборного постановления. При этом совещательный характер такого представительства при общенациональном в лице Монарха арбитре, ответственном в своих делах перед одним Господом Богом, а больше этой ответственности для верующего человека не существует, охранял общество от того, чтобы одна социальная группа диктовала свою волю другой в ущерб общим интересам.

Это всё, конечно, совершенно непонятно для демократической общественности, предпочитающей высшей математике общенародной солидарности арифметику социальной борьбы. Непонятны ей и та возвышенная атмосфера искреннего духовно-нравственного единения, которая царила на соборах, то торжественное величие, которое придавало соборам непрременное участие в них Православного духовенства, авторитет всей полноты Русской Православной Церкви, объемлющей и народ, и Царя.

Именно такая система представительства, со всеми поправками на время и характерные для любой практики недостатки, существовала в исторической России. И, именно, такой характер представительства, возможный и необходимый, должен быть образцом для России будущей.

Подводя итог всему вышесказанному, хотелось бы закончить следующими словами И.Л. Солоневича: "Нам нужны: достаточно сильная монархия и достаточно сильное народное представительство, причем силу той и другого мы будем измерять не их борьбой друг с другом, а их способностью *сообща* выполнять те задачи, которые история ставит перед нацией и страной".

ⁱ В главе "Народное представительство" этой же книги И.Л. Солоневич пишет: " если в российском народном представительстве *работает* Глава Православной Церкви или председатель союза: инженеров, агрономов, врачей, металлургов, железнодорожников, горняков, крестьян, казаков, купцов, — то все эти люди будут совершенно точно знать, что им нужно в чем заключаются реальные интересы того слоя или той группы людей, от имени и по полномочиям которых они выступают. **Никто из них не будет претендовать**

на «всю власть», как по самому своему существу претендует всякая политическая партия. Всякая политическая партия стремится из меньшинства стать хотя бы относительным большинством, из относительного большинства — абсолютным, и на базе абсолютного большинства превратиться в партийный абсолютизм. Примеры у нас на глазах, и эти примеры достаточно свежи... Но никакому «союзу инженеров» не может придти в голову превратить в инженеров всю страну или союзу ветеринаров — захватить «всю власть». Могут быть тенденции ко всякого рода технократическим или капиталистическим загибам и перегибам, но на путях к таким тенденциям будут стоять монархи.

Во всем этом нет решительно ничего нового. Все это существовало в Московской Руси... Пока же вопрос заключается в том, чтобы мы вернулись к нашему *собственному* опыту и начали бы называть вещи нашими собственными русскими словами. Тогда, может быть, целый ряд недоразумений исчез бы более или менее автоматически".